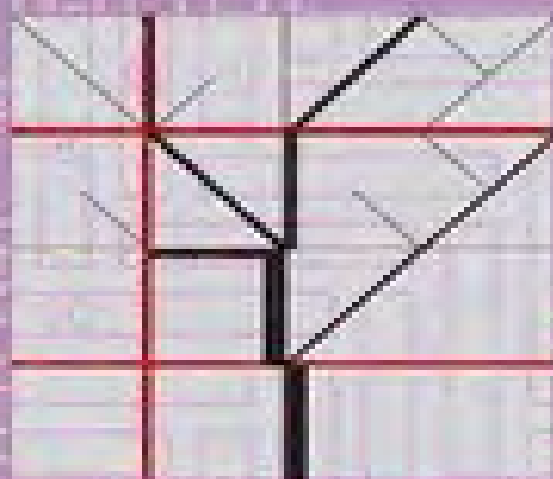

Сергій Древо

Дао-Дэ цзин

Лао-цзы

Книга о Пути жизни

ДАО ДЭ ЦЗИН

Перевод с китайского Валерия Перелешина

О переводчике

Валерий Францевич Салатко-Петрище (20 июля 1913, Иркутск — 7 ноября 1992, Рио-де-Жанейро), писавший под псевдонимом Валерий Перелешин, был одним из самых выдающихся поэтов русской эмиграции первой волны. Увезенный матерью в 1920 году в Харбин, он поступил там в Политехнический институт, где изучал китайский язык и право. Сначала тридцатых годов печатался в русских изданиях Китая и Европы. В 1937 году выпустил первую книгу стихотворений. Позже издал еще ряд поэтических сборников, антологию древнекитайской поэзии в своем переводе, поэму Цюй Юаня "Ли Сао", книгу воспоминаний о литературной жизни русского Китая в 1930-40 гг. и многое другое.

В 1939 г. он принял монашество и уехал в Пекин, где до 1943 года служил в Русской духовной миссии. Позже, сложив с себя сан, перебрался в Шанхай, а в начале 1950-х годов покинул страну и переселился в Рио-де-Жанейро, где и остался навсегда, став одним из патриархов русской эмиграции, активно печатающихся в Америке и Европе.

Дружба Перелешина с автором этих строк началась в 1971 году и длилась до конца его жизни. С 1988 года произведения Перелешина стали печататься на его родине, в России. Здесь же впервые увидел свет и главный научный труд его жизни — поэтическое переложение древнекитайского трактата "Дао Дэ Цзин".

Перелешин, традиционно именуемый в литературоведении "лучшим русским поэтом Южного Полушария", подарил русской литературе драгоценную жемчужину: лишь в поэтическом переложении мы можем почувствовать не один лишь сухой смысл оригинала, но его глубину и красоту, без которых "Дао Дэ Цзин" не был бы одним из величайших достижений человеческого духа.

Евгений Витковский

От переводчика

"Дао-дэ-цзин" — совсем небольшая книга, содержащая около пяти тысяч китайских письменных знаков, но по своему влиянию на философскую мысль Востока, а позднее и Запада, она "весит" больше, чем сотни конфуцианских и иных книг совокупно. На почве одной этой книги возникла одна из трех главных философских систем Китая, занявшая — вне всякой пропорции к размеру книги — свое место рядом с пришедшим из Индии буддизмом и "национальным" конфуцианством.

Как содержание "Дао-дэ-цзина", так и вопрос о его авторстве никогда не переставали вызывать споры, причем одни считают, что автор был современником Конфуция, другие — что он жил на целое столетие позже, и третьи — что эта книга не более, как сборник изречений, составленный уже во времена Ханьской династии.

По традиции, авторство Дао-дэ-цзина приписывается Лао-цзы. Но кто был Лао-цзы ("Старый мудрец")? Был ли это Ли Эр? Был ли это Лао Дань, многократно упомянутый в книгах Чжуан Чжоу, среди "персонажей" которого немало измышленных им самим?

Лао Дань был, как думают, уроженцем княжества Чжэнь, впоследствии захваченного королевством Чу. Историк Сы-Ма Цянь сообщает, что он был хранителем императорских архивов в Лояне, но, огорченный упадком династии Чжоу, покинул свою должность. Он написал "Дао-дэ-цзин", будто бы, по воле Будды Гуань-инь, а затем стал отшельником и умер в глубокой старости в пределах королевства Цинь.

Современные китайские исследователи полагают, что все три догадки об авторе "Дао-дэ-цзина" не исключают одна другой. Библиотекарь или архивариус Лао Дань, вероятно, существовал, но "Дао-дэ-цзин" мог и не быть его произведением. Как столичный архивариус, он имел доступ ко всей существовавшей тогда литературе и, несомненно, стал человеком редкой начитанности. Вполне возможно, что за справками к нему обращался и Конфуций.

Возможно, что "Дао-дэ-цзин" — сборник изречений Лао Даня, составленный его учеником или учениками уже в эпоху феодальных

войн. Как и в конфуцианской литературе, редактирование оставило свои следы в стиле книги, но это не дает права считать ее подделкой, возникшей уже при ханьской династии.

Переводчик "Дао-дэ-цзина" на любой европейский язык сразу же наталкивается на огромные препятствия. Главное из них — терминология. Начать с того, что ключевое слово "Дао" непереводимо. Это, конечно, не "Путь", не "Разум", не "нравственное начало", не "образ действия" и не "космос". Ближе всего подходит к нему Логос эллинистической философии, но введением этого термина были бы внесены в перевод совершенно чуждые Китаю неоплатонические и христианские оттенки. Неприемлемо слово Логос еще и по соображениям стиля: ведь Логос тоже слово нерусское! Как же перевести "Дао"? Вслед за Чжэн Линем (о котором ниже) я перевожу "Дао", как "Истина", хотя оговариваюсь, как и он в своем предисловии, что "Дао" — НЕ Истина, что оно конкретнее и активнее.

Ту же трудность встречаем и при переводе слова "Дэ". Это, скорее всего, греческая "калокагифия", сочетание добра и красоты, а не мудрость, не добродетель и не природа.

Следующее огромное затруднение — выбор текста. В Китае известны восемьдесят списков, различных не только по составу, но и по порядку, в котором изречения следуют. "Дао-дэ-цзин" подразделяется то на две, то на четыре части. Расходятся между собою даже древнейшие списки, ибо уже в начале нашей эры выдержки из "Дао-дэ-цзина" у разных писателей не совпадали текстуально. К концу китайской монархии было известно 335 списков "Дао-дэ-цзина", снабженных примечаниями.

За две с лишним тысячи лет накопилось бесчисленное множество описок и перестановок. Многие идеограммы устарели и стали непонятными; кое-где их заменили "неологизмами". Отрывки из старых комментариев тоже часто принимались за часть текста и включались в него.

Научная критика текстов возникла только в 17 веке, когда началось их сопоставление и сравнение. Постепенно к этому добавилась и критика лингвистическая. В итоге огромной работы

многих поколений ученых из "Дао-дэ-цзина" были исключены все интерполяции, содержавшие поощрения к "тайноведению", знахарству или алхимии.

Основной стержень "Дао-дэ-цзина" — учение о бездействии (у-вэй), призыв вернуться к простоте и естественности, для чего людям необходимо освободиться от себялюбия и общественных цепей. Мысли Лао-цзы, Лао Даня, Чжуан Чжоу противоположны конфуцианству и представляют собою головокругительный полет умозрения, прорыв в пределы метафизики.

Учение "Дао-дэ-цзина" и позднейшего даосизма кажется настолько чуждым китайскому уму, что предполагается его родство с браманизмом и буддизмом. Сношения Китая с Индией по суше и по морю начались давно и никогда не прекращались. Книга "Фаюань-фу-линь" упоминает о преследованиях индусских буддийских монахов в Сиане еще в 217 году до Р.Х. Цинь-ши Хуанди распорядился в 214 г. до Р.Х. разрушить все буддийские храмы в Китае. Такие крутые меры свидетельствуют о том, что буддизм представлялся крупнейшей угрозой.

Лао Дань и его последователи, кто бы они ни были, подготовили буддизму путь к успеху в последний период ханьской династии. Но распространение буддизма не могло не повлиять и на даосское учение, которое пропиталось заимствованиями из индусской веры. Со временем обе религии так переплелись, что теперь невозможно сказать, где кончается одна и где начинается другая. Лао-цзы и Лао Дань в 7 и 8 веках по Р.Х. были официально обожествлены — первый, как Великий Верховный Владыка Таинственной Первопричины", второй — как "Достопочтенный Князь Верховного Бытия". Со временем возникло множество фантастических легенд и нелепейших суеверий, так что сегодня чистое учение о Дао можно найти только в "Дао-дэ-цзине" и в трудах Чжуан Чжоу.

Европейские китаеведы давно оценили философскую глубину и, главное, поэтическую красоту "Дао-дэ-цзина". Еще в 1788 году был сделан перевод "Дао-дэ-цзина" на латинский язык, а затем появились десятки переводов этой книги на английский, немецкий, французский, русский и другие языки. Часто превосходные, эти переводы были во многих случаях сделаны с неполноценных

текстов, вследствие чего многие мысли оказались изложенными сбивчиво и невразумительно, а то и вовсе ошибочно.

Предлагаемый перевод основан на китайском тексте, изданном в Шанхае ученым Чжэн Линем в 1949 году вместе с довольно несовершенным переводом на английский язык (Lao Tzu, "Truth and Nature"). Принятый Чжэн Линем текст — итог длительного процесса искоренения интерполяции перестановки составных частей. Чжэн Линь основывался на трудах ГаоХэна, тщательно сравнившего древний список Бан Би (первая половина 3в. по Р.Х.) с двадцатью четырьмя другими древними списками. Текст, очищенный Гао Хэном, был издан высокоавторитетной Academia Sinica в 1956 году.

В переставленном порядке "Дао-дэ-цзин" приобрел черты связности, но и в этой новой редакции встречаются повторения, которые, быть может, не оправдываются первоначальным замыслом автора. Следуя Чжэн Линю, я указываю в скобках рядом с номерами "главок" в новом составе и номера по так называемому общепринятому тексту.

В своем предисловии Чжэн Линь говорит: "В китайском оригинале эта книга написана большей частью стихами". Не без наивности он добавляет: "Переводить ее стихами значило бы слишком ограничить свободу выражения, что сделало бы точный перевод более трудным, если не вообще невозможным". Согласно некоторым справочникам, "Дао-дэ-цзин" написан не стихами, а ритмической прозой. С этим можно было бы согласиться, но, к сожалению, все без исключения переводчики, усмотревшие в "Дао-дэ-цзине" ритмическую прозу, тотчас же забыли о понятии ритмичности и превратили эту почти поэму в обыкновенную прозу, приближающуюся к "канцеляриту" и пестрящую "эзотерическими" терминами греческого и латинского происхождения. В Западной Европе и США существует множество мистификаторов и даже целое книгоиздательство, которые, под вывеской "Дао-дэ-цзина", сбывают беззастенчивую теософскую пропаганду.

На русский язык "Дао-дэ-цзин" был впервые переведен профессором Д.П. Кониси ("Тао-те-кинг") в 1892 году. Белыми (или,

точнее, "желтыми" или "светло-черными") стихами его перевел, сильно сократив, К.Д. Бальмонт (в "Зовах древности").

Третий — весьма научный — перевод был издан в 1950 году Академией Наук СССР. Сделан он был китайцем Ян-Син-шунем в Москве. При всей своей точности этот перевод не обладает никакими художественными достоинствами.

Предлагаемый опыт стихотворного перевода имеет целью показать, что перевести стихи стихами на русский язык, действительно, трудно, но отнюдь не невозможно, хотя переводчик-поэт "связан по рукам и по ногам": он должен запретить себе употребление нерусских слов (даже таких, как "идея", "мораль" или "стратег"), рифмовать те строки, которые рифмуются в оригинале, стараться воспроизводить повторы, отдавать предпочтение мужской рифме (что лучше отвечает односложной структуре китайского языка). Краткость и сжатость китайской поэтической речи остаются, конечно, недостижимым идеалом, но я старался везде избегать "расцвечиванья" и "отсебятины".

Шанхайское издание "Дао-дэ-цзина" довольно опрятно, но от опечаток и пропусков не свободно и оно. Я старался исправить эти промахи, насколько это было возможно. В немногих случаях я позволил себе истолковать текст в несколько ином смысле, чем Чжэн Линь.

Прекрасная поэма "Дао-дэ-цзин" написана многими размерами, в соответствие чему я позволил себе перевести их то ямбом, то хореем, то анапестом, то дольником. Втиснуть ее в один размер, конечно, нелегко, но я не стремился к этому, поскольку этого не искал и автор философской поэмы.

Валерий Перелешин.

1 (54)

Возникло нечто смутное вдали,
Возникло раньше Неба и Земли:

Оно неслышимо и не видно,
Им навсегда все сущее полно.
Оно — Начало Небу и Земле.

2 (113)

Вселенная возникла из него,
И в нем таится мать бытия.
Кто эту мать во мраке обретет,
Узнает с нею и ее детей.
А кто сперва найдет ее детей,
Тотчас и мать узнает, а она
Бессмертна и сама собой полна.

3 (55)

Я имени не ведал бы ее,
Но Истиной я сам ее назвал.
Легко ли описать ее природу?
Великая, подвижна и жива,
Познанию запредельна, обранима.

4 (56)

Так, велики лишь Истина и Небо,
Под ним — Земля, а на Земле — Правитель.
Великих в мире — эта четверица,
Правитель же — один из четырех.
Извечно он прообразует Землю,
Извечно он прообразует Небо,
Он Истину для нас прообразует
И, наконец, и самое Природу.

5 (1)

Если Истину произречь,
Суть погибнет, а выйдет речь.
Если имя ты назовешь,
То не имя оно, а ложь.

6 (2)

Ничто — причина Небу и Земле,
И только в них начало всех вещей.

7 (3)

Пребывая в небытии,
Постигай его глубину.
Пребывая в мире вещей,
Многовидность их постигай.

8 (4)

Эти два на деле — одно,
Хоть различны их имена.
Это тайна превыше тайн,
Ко всему сокрытому дверь.

9 (46)

Кто их образ умом поймет,
Верно, к Истине сам примкнет,
Хоть она и непостижима,
Непредметна, неуловима.
В непредметном, неуловимом
Есть, однако, некая суть.
В недоступном и непредметном
Некий образ запечатлен.
В сокровенности и во мраке
Устремленье некое есть,
И в исконном порыве этом
Достоверность утаена.
Ни теперь, ни в века былые
Не терялось имя ее.
В нем — начало всему быванью.

10 (75)

Ухватись и ты за нее —
Примет мир главенство твое
И, ни в чем не терпя вреда,
Будет радоваться всегда.
Так приходит толпа гостей
Ради музыки и сластей.

11 (76)

Выйдет Истина вон из уст, —
Станет вялым и пресным звук.

Глаз не видит ее, скользя,
И услышать ее нельзя,
И нельзя ее износить.

12 (26)

Чего увидеть нельзя —
Безобразно и незримо.
Чего не уловит слух —
Беззвучно, неуловимо.
Чего не тронешь рукой —
Бесплотное, неощутимо.
К такому свойству тройному
Уму не прийти земному:
Их три, но они — одно.

13 (27)

Вверху оно не блестит,
Внизу оно не темно.
Подспудно, неизрекомо,
Течет обратно в ничто.
Без насилия: сила таима,
Без обличья: оно незримо,
Непредметно, неуловимо.
Ни встречным в нем сути нет,
Ни тем, кто посмотрит вслед.
Кто Истине древней предан —
Сегодня правит страной.
Кто верен древним началам —
Заветом Истины жив.

14 (72)

Сотворено сначала было имя,
Когда же имя было нам дано,
Старейшины земли его познали
И сделались для зла неуязвимы.
Итак, я истину уподобляю
Незыблемым долинам и морям.

15 (71)

У Истины названья нет,

Она мала,
Но не боится никого.
Держитесь же ее, князья,
И будете сильнее всего.
Сомкнутся небо и Земля,
Прольются росы и дожди,
И будет радостен народ.

16 (93)

От Истины рожден Один,
От Одного явились Два,
Из Двух образовались Три,
Из Трех — все множество вещей.
Скудеет Инь, ярится Ян:
В их сочетании — полнота.

17 (86)

Так Истина — податлива, мягка,
Идет кругами многие века.

18 (10)

Она — как чаша, полая внутри,
Но ей ли оскудеть,
Вместилищу прообразов вещей?
Да вправду — существует ли она?
Ведь я не знаю, чье оно дитя, —
Не старше ли она самих богов?

19 (82)

С начала времен обрели единство:
Небо в своей чистоте,
Земля — в устойчивой ровности,
А небо — в своей духовности.
Холмы — в своей округленности,
В дыхании своем — творенья,
Князья — в задачах служенья.

20 (83)

А это, конечно, значит,
Что, если Небо не чисто,

Оно порвется,
Что, если Земля подвижна,
Она погибнет.
Богам, уже бездуховным,
Конец — забвенье.
Холмам, уже не округлым —
Исчезновенье.
Пойти бездыханной твари
На удобренье,
Князьям, потерявшим правду, —
На истребленье.

21 (74)

Обитает Истина повсюду:
Слева, справа ты ее найдешь.
Всеми правит, не поработая,
Ничего не ищет для себя,
Все объемлет, но не подавляет.
Так мала, что как бы нет ее.
Все вернется к ней, того не зная:
Тем она безмерно велика,
Что, величия не сознавая,
Даже больше станет от того.

22 (134)

Истина — причал всего живого,
Устремленье помысла благого,
Драгоценность также и для злого.

23 (135)

Речь изысканная — путь к успеху,
Но и сдержанность ведет к нему.
Если ж ты не добр и не воспитан,
Мы тебя не смеем оттолкнуть.

24 (136)

Лучше, чем назваться Сыном Неба
Или стать сановником высоким
Или конным вестником нарядным —
С Истиной встречаться на дому.

25 (137)

Чем же древних Истина влекла?
Уж не исполненьем ли желаний
И защитой от любого зла?
Ибо мир склонялся к их ногам.

26 (28)

Древним Истина была доступна,
Их она ласкала красотой.
Это нам сегодня непонятно,
А коль скоро это непонятно,
Расскажу о них еще подробней.

27 (29)

Были зорки, как при переправе,
Сдержаны, как бы стыдясь соседей,
Обходительны, как с важным гостем, —
Были льдом, что вовремя растает.
Простотой похожие на брусня,
Широтой — на полые долины,
Беспристрастием — на воду в лужах.

28 (120)

А каков конец воды стоячей?
Не тревожь ее, и муть осядет.
Лишь для вечного преемства жизни
Непрерывное движение нужно.

29 (31)

Кто привержен к Истине вечной,
Не пойдет искать насыщенья:
Только там, где нет насыщенья,
Жизнь получит толчок вперед!

30 (88)

Мудрый услышит об Истине, —
Захочет и жить достойно.
Средний услышит об Истине, —
Запомнит или забудет.

Глупый услышит об Истине —
И будет смеяться вволю,
А нет — так это не то!

31 (89)

Написано в книге "Цзянь-янь":
Ты понял — так не понимай,
Приблизился — так отступай,
Осилит — так изнемогай.

32 (90)

Да будет полное полым,
Да станет щедрое скудным,
Да мнится творчество кражей,
И опытность — недостатком.

33 (91)

Чистейшее — загрязненным,
Прямейшее — искривленным,
Удачное — невозможным,
Торжественное — ничтожным,
Великий Образ — безвидным,
А Истина — безымянной.

34 (92)

Ничто, как Истина одна,
Сильна даяньем и свершеньем.

35 (110)

Все живое Истина творит,
Придает ему различный вид.
А Природа кормит и растит,
Бережно лелеет и хранит.
Истине хвала ото всего,
А Природе воздается честь.
Истине несомая хвала,
Возносимая Природе честь —
Не измышлены из ничего,
А в самом гнездятся естестве.

36 (12)

Истина живому жизнь дает,
А Природа кормит и ведет
К опытности — вверх или вперед,
Нянчит, охраняет, бережет.

37 (112)

А сама не думает владеть:
Воздаянье разве нужно ей?
Власть ее живых не тяготит.
Щедрая Природа такова.

38 (14)

Это дух бессмертный бытия,
Сокровенная праматерь тайн,
К тайнам запечатанная дверь,
Это корни Неба и Земли.
Незаметный, будто нет его,
Никогда не оскудеет он.

39 (20)

Если тело заодно с душой,
Расходиться могут ли они?
Чья живая сила в полноте,
С новорожденным ребенком схож.
Чей очистился высокий дух,
Недостатки может ли иметь?
Кто народу предан и стране,
Может ли бояться неудач?
Кто открыт идущему извне,
Разве не сумеет сильным стать?
И кому понятно все вокруг,
Разве тот не станет мудрецом?

40 (21)

Истина живому жизнь дает,
Вскармливает и растит его,
А сама не думает владеть:
Воздаянье разве нужно ей?

Власть ее живых не тяготит,
Истина от века такова.

41 (121)

Чья живая сила в полноте,
С новорожденным ребенком схож:
Избежит он ядовитых жал
И зубов звериных избежит,
И орлиных избежит когтей.
Мягкостный, все же он могуч:
Тайной двух полов владеет он,
Ибо жизненных исполнен сил.
И кричать он может целый день:
Звонкий голос не сойдет на хрип!

42 (122)

Кто внутри согласие нашел,
Этим знаньем будет просветлен.
Легкомыслие — начало зол,
Но и воля — тот же произвол.

43 (119)

Если где-то праведен один,
выявится свет его глубин.
Если праведна одна семья,
Праведность прославится кругом.
Если праведен один уезд,
Он огнеупорен, как асбест.
Если праведна одна страна, —
Прочно благоденствует она.
С праведной державой на земле
Добродетель станет мировой.

44 (120)

Человек — мерило для людей,
И семья — мерило для семьи.
С селами и села сравнены,
А страна — мерило для страны,
И держава — для других держав.

45 (131)

Только умеренный может один
Небу служить и людьми управлять.
Кто пожелает умеренным быть,
Истины должен держаться во всем.
Держится Истины разве не тот,
Кто добродетель умеет ценить?
Кто добродетель умеет ценить,
Тот безбоязнен и непобедим.
В мире, наверное, нет ничего
Непобедимости этой важней.
Корни господства во власти ее.
Кто укрепитя на этих корнях,
Неистребимым становится тот.
Это и есть установленный путь
К славе, бессмертию и торжеству.

46 (11)

Ни Небо, ни Земля не знают доброты:
Живые твари им — как чучела собачьи,
Но также и мудрец не знает доброты,
И люди для него — как чучела собачьи*.

* Изображения собак, набитые соломой, применялись при жертвоприношениях, — сообщает Чжэн Линь. Вероятно, здесь имеется в виду отсутствие лицепрятия у истинного мудреца.

47 (12)

Небо и Земля похожи
На кузнечные мехи:
Полые, но не пустые,
Двигутся они всегда.

48 (170)

Образ действий Неба подобен
Натяжению лука:
Тетива опускается,
А дуга поднимается.

Избыток всегда сбавляется,
Нехватка же восполняется.

49 (171)

Путь Неба — сглаживать избыток,
И недостаток восполнять.
Путь человека не таков:
Он бедняка скорей ограбит
А богатею угодит.

50 (172)

Кто все свои отдаст избытки,
Чтоб лучше миру послужить?
Лишь тот, кто к Истине привержен.
Отдав, мудрец не ждет оплаты,
Успехом не кичится он,
Свою заслугу принижает.

51 (163)

Образ действий Неба таков:
Без борьбы оно побеждает,
Без речей оно убеждает,
Не зовет, а к нему идут,
И спешить не надо ему.

52 (164)

И у Неба невод хорош:
Не теряется ничего.

53 (176)

Помогает добрый другим,
А недобрый другим вредит.
Только Небо учит людей
Быть терпимее и добрей.

54 (22)

Тридцать спиц — и только одна
Та же ступица им дана:
То, что пусто и что полно,
Для телеги равно.

Или глиняный взять сосуд:
То, что пусто и что полно,
Для сосуда равно.
Для дверей стена разнята:
То, что пусто и что полно,
Для жилища равно.
Нам полезно и это "есть",
Нам полезно и это "нет".

55 (87)

Корнями к бытию восходит жизнь,
Само же бытие — к небытию.

56 (5)

Лишь стала красотою красота,
И мысль о безобразном родилась.
Лишь только названо добро добром,
Возникло и понятие о зле.

57 (6)

От "есть" до "нет" совсем недалеко,
От трудности свершенья — до "легко",
От краткости по виду — до длины,
От вознесенности — до низины,
От звонкости — до тусклой глухоты,
Во времени — от "раньше" до "потом".

58 (129)

Личиной счастья может быть беда,
А счастье — корнем бедствий иногда.
О, если бы мы знали наперед,
Что в кривду правда вдруг не перейдет
И что добро не обернется злом!
Мы в обольщеньях горестных живем.

59 (39)

Почтительность и дерзость — их пути
Уж будто к одному нельзя свести?
А красота с уродливостью — им
Всегда ли быть одним или другим?

60 (100)

С успехом и провал соединен,
Чтоб средствами обогащался мир.
Без полости не зная полноты,
Разнообразие находишь ты.
Примешана к прямому кривизна,
Чтоб о приемах не скучали мы.
В искуснейшем — тупица затаен,
В красноречивейшем — тяжелодум.

61 (77)

Если нужно что-то сократить,
То заранее расширь его.
Если нужно что-то надорвать,
То сначала подкрепи его.
Если нужно что-то опустить,
То сначала подними его.
Если что-либо захочешь взять,
То сначала уступи его.
Никакой науки в этом нет.
Мягкому и слабому порой
Сильные проигрывают бой.

62 (18)

Переполнить можно закрома,
Но конец наступит и зерну.
Непрестанно можно меч точить,
Но не стать нетленным и ему.
Полный золота и яшмы дом
Станет ли от этого прочней?

63 (19)

Выставишь богатство напоказ —
Сам накличешь на себя беду.
Скромностью успех сопровождай:
Так и Небо действует само.

64 (49)

Ведь не длятся бури целый день

И дожди не тянутся всю ночь.
Так откуда все-таки они?
Их приносят Небо и Земля.
Если же и им придет конец,
То тем более делам людским.

65 (96)

Тем, что мягче и слабей всего,
Твердое подчас побеждено.
Возникая из небытия,
Эта истина во всем сквозит.
Так и я дерзаю говорить,
Что бездействие всего мудрей,
Что молчание сильнее слов.
Выгоду бездействия, увы,
Мало кто умеет оценить!

66 (104)

Из дому почти не выходя,
Отдаленный можно мир узнать.
Можно, вовсе не смотря в окно,
Образ действий Неба рассмотреть.
Чем мы дальше ездим по земле,
Тем в конце мы меньше будем знать.
Без разъездов мудрый познает,
И о мудром каждый говорит,
Что в бездействии, но он творит.

67 (7)

Действует бездействием мудрец,
Учит молчаливостью своей,
Не навязываясь никому,
Не владея, будто бы, ничем.
Отдает, оплаты не ища,
И своих не сознает заслуг.
Неосознанных его заслуг
Не оспорит на земле никто.

68 (143)

Действующий, бойся неудач,

И стяжательный — страшись потерь.
Лишь бездейственного мудреца
Неудача не страшит ничуть,
И к потерям безучастен он.

69 (105)

К расширенью знание нас влечет,
Истина сжиматься учит нас.
Учит каждый день и каждый час,
Чтобы мы к бездействию пришли.
Все бездействующий совершит:
Без труда державу он возьмет,
А трудом — державы не возьмет.

70 (145)

Мудрый хочет — будто и не хочет:
Редкостями он не дорожит.
Учится, но с тем ли, что, ученый,
Он верней ошибок избежит?
Тварный мир препоручив природе,
Он не вмешивается в него.

71 (80)

Добродетельнейший сам не знает,
Что его безмерна добродетель.
Малодобродетельный боится
Потерять свою — и потеряет!
Добродетельнейший без усилий
И в бездействии всего достигнет.
Малодобродетельный хлопочет,
А посмотришь — ничего не сделал:
В доброте возможно совершенство,
В исполнении правил — никогда,
И обряды не приводят к правде,
Так разумнее отбросить их!

72 (81)

Истину сменить на добродетель,
Добродетель же — на доброту,
Доброту потом — на справедливость,

Справедливость — на пустой обряд, —
Путь снижения: ведь обряд и значит,
Что любовь и верность оскудели,
Что разруха и распад близки.
Украшают Истину обряды,
Но на них же зиждется притворство.
Потому-то к сущности стремится
Муж великий, а не к мелочам:
Утверждаясь в подлинном и важном,
Украшенья презирает он.

73 (101)

Покой сильнее, чем разлад,
Сильнее холод, чем жара.
Нетленны чистота и мир.

74 (155)

Лучший воин — не забияка,
Полководец лучший — не злобен.
Победитель лучший — не дерзок,
А правитель лучший — смиренен.
Ужель добродетель — в борении?
Нет: в мудром, искусном правлении
И с Небом в соприкосновении.

75 (47)

Ущербное станет целым,
Негодное станет новым,
Прямейшим станет кривое,
Полнейшим станет пустое.
Потеря станет прибытком,
Прибыток станет потерей.

76 (48)

В мудреце образец для мира:
Он, уступчивый, просветлен:
Скромный, он от людей отличен;
Ненастойчивый, он удачлив,
Невзыскательный — возвеличен;
Без боренья — непобедим.

Так "ущербное станет целым" —
Не пустые это слова!
Чтобы к целому возвратиться,
Надо жить с природой в ладу.

77 (173)

Нет ничего податливей воды,
Но твердое ее не победит.
Так в мире установлено навек:
Что слабым сильное побеждено
И мягким твердое усмирено.
Об этом знает каждый человек,
Но убедиться — редкому дано.

78 (17)

Истинно мудрый подобен воде:
Служит ко благу, не хочет борьбы,
Россыпи золота прячет на дне.
К истине близкий, старается он
Дело свое совершать на земле,
Сердцем же знает таинственный мир.
С мудрыми он подружиться готов,
Речью внушает доверие им.
Властвуя, лад укрепляет в стране.
Преуспевая в житейских трудах,
Время для каждого дела найдет.
Он обходиться привык без борьбы
И не обидит соседей своих.

79 (168)

Пока мы живы, тела
Податливы и мягки.
Когда же они умрут —
Закостенеют они.
Тела деревьев и трав
Податливы и мягки.
Когда же они умрут, —
Засохнут или сгниют.

80 (169)

Сила, твердость — они всегда
Тенью смерти омрачены.
Слабость, гибкость — они одни
Светом жизни освещены.
Сильный воин умрет от ран,
Треснет дерево-великан.
Неподатливому — беда,
А уступчивому — подъем.

81 (156)

Полководец когда-то сказал:
"Чем вперед на вершок наугад,
На сажень отступаю назад".
Это значит: войска не нужны
Для боев за границей страны,
И для войн основания нет,
И могло бы не быть и врагов.

82 (157)

Недооценка сил врага
Порой ведет к похоронам.
А победит в итоге тот,
Кто вовсе не хотел войны.

83 (180)

Путь Неба — помогать добру,
Не убивать и не вредить.
Путь мудрого — себя отдать
И не бороться ни за что.

84 (15)

Небо вечно, и Земля нетленна:
Вечны и нетленны оттого,
Что они, нетленные от века,
Вечными себя не сознают.

85 (16)

Мудрый ставит себя последним,
Но вперед его протолкнут.

От себя самого уходит,
Но его сберегут верней.
Он ни в чем своего не ищет
И во всем находит свое.

86 (24)

Честь и позор людей равно волнуют:
Ведь самомнение — худшее несчастье.
Но почему же так они волнуют?
Честь — верхнее, а нижнее — позор.
Их обрести — для нас одно волнение,
Утратить их — такое же волнение.
В том и другом напрасное волнение.
Так, самомнение — худшее несчастье,
Которому я часто подвергаюсь
За то, что мне дано самосознание.
Ведь если б не мое самосознание,
Откуда взяться было бы несчастьем?

87 (147)

Моря и реки всех низин важней,
А ниже всех они размещены.
Не потому ль и первые они?

88 (148)

Чтоб выше стать других людей,
Как можно ниже ставь себя.
Чтоб оказаться впереди,
Уступчиво держись в тылу.

89 (149)

Он высоко, но жалоб нет.
Он впереди, и жив народ.
Страна поет ему хвалы.
Мудрец не борется — зато
И в мире он необорим.

90 (25)

Кто в себе почитает мир,
Смело может поверить в мир.

И в себе кто возлюбит мир,
Положиться сможет на мир.

91 (84)

Если честь коренится в смирении
И высокое держится низким,
То пойдем, почему государи
Именуют себя "недостойный".
Ведь смирение — подлинный корень
Их величия. Разве не так?

92 (94)

Никому на земле не приятно,
Чтоб назвали его недостойным,
Разве только одним государям.
Под ущербом таится прибыток,
Под прибытком порою — утрата.

93 (174)

Вот слова большого мудреца:
"Оскорбленный за свою страну —
Той страной достоин управлять.
Пострадавший за свою страну —
Управлять державою большой".

94 (85)

Мудрецу и вправду все равно:
То ли он сверкает, как нефрит,
То ли камнем кажется простым.

95 (178)

Он не хочет дорогих вещей
И, чем больше отдает другим,
Тем богаче делается сам.
Чем полнее жертвует собой,
Тем его прекраснее судьба.

96 (23)

От красок слепнут зоркие глаза,
От музыки ослабевают слух.

Тупеет вкус от лакомств и приправ,
Дичает ум от бешеных охот,
Родится зависть от больших забот.
Один мудрец на внешность не глядит
И чувствами развлечься не спешит.

97 (103)

Порок — чего-нибудь желать всегда,
А неумеренность — совсем беда.
Нет больше зла, чем жажда барышей.
И лишь умеренный неприхотлив.

98 (114)

Лазейки восприятиям заткни
И двери сердца наглухо закрой, —
И для заразы ты неуязвим.
Лазейки восприятиям открой,
С бесчинными желаньями поладь,
И все леченье будет ни к чему.

99 (124)

Лазейки восприятиям заткни
И двери сердца крепко заложь,
Расчетливость и хитрость подави,
Все поводы к смущенью устрани,
Вбери в себя сиянье чистоты,
Наносы недостойные сровняй —
И мир великий в сердце обретешь!

100 (115)

Кто видит мелкое, тот зорек,
Кто кротостью берет — силен:
Лучами света озарен —
Недаром он и зряч, и зорек —
От гибели освобожден,
Путь к постоянству знает он.

101 (125)

Когда не будет ни пристрастий,

Ни предрассудков на земле,
Ни смехотворной жажды выгод,
Ни страха понести ущерб —
Дешевое от дорогого
Разучимся мы отличать
И правильный увидим мир.

102 (79)

Всем Истина, бездействуя, владеет,
И, если князь ей верным быть сумеет,
Мир добровольно склонится пред ним.
А если позже вновь зашевелится, —
Я укажу ему одно лишь средство,
И средство это — самое простое:
Всех научить, чтоб не было желаний.
Где нет желаний, там тревоги нет,
И, мирная, незыблема земля.

103 (65)

Вдыхать и выдыхать — один удел
Равно для сильных и для слабых тел.
Один труслив, другой силен и смел,
Один окреп, другой же ослабел.
Но все, в чем есть излишек иль изъян,
Равно отвергнет истинный мудрец.

104 (139)

От нашего рождения до смерти
На рост уходит три десятых срока,
И на распад — другие три десятых.
А из того, что нам дано для жизни,
Мы, суетясь, бросаем той же смерти
От разности опять же три десятых.
Так мы неосмотрительно, бездумно
Перерасходуем живую силу.

105 (109)

Лишь мудрый дорожить умеет жизнью
При встрече с носорогом или тигром
Или в бою — с врагом вооруженным:

Ведь носорог его не тронет рогом,
И тигр его когтями не зацепит,
И лезвия противник в ход не пустит.
А почему? Оглядчивый, разумный,
Он случая не предоставит смерти!

106 (52)

На цыпочках мы крепко ли стоим,
И далеко ли мы уйдем прыжками?
Самодовольство — маленькое пламя,
Самоуверенность — неяркий луч.
Не в похвальбе высокая заслуга,
И, на поверку, гордый не могуч.

107 (53)

Кто к Истине привержен, говорит:
"Как часто за одежду и зерно
Жестоко ненавидят богача.
Я с Истиной, а прочее — ничто".

108 (117)

При дворе — пороки и обман,
А в полях — разросшийся бурьян,
И везде пустые закрома.
Ну, а здесь: нарядные шелка,
Напоказ подвешены мечи,
От еды и от вина тошнит,
Роскошью наполнены дома.
Не разбойничий ли это стан?

109 (36)

Вместо Истины самой теперь
Доброту повсюду предпочтут.
Остроумием подменяют ум —
И притворство будет тут как тут.
А в семье согласию взамен
Выдвинут почтенье и обряд.
А в стране, где смута и развал —
Преданным чиновникам простор!

110 (58)

Путник хорош — так не сыщешь следов.
Спора не выйдет из правильных слов.
Шустрый без бирок сочтет и узлов.
Ларь без запора — а как отпереть?
Куль без веревки — а как развязать?

111 (59)

Мудрый готов человеку помочь!
Глупого, слабого не оттолкнет.
Он и животного не оттолкнет.
Это и есть просветленность ума.

112 (60)

Мудрец поставлен Истиной самой
Немудрому учителем служить.
Немудрый же поставлен мудрецу
Примером, как тому не надо жить.
Учителя не чтящий ученик,
Учитель, презирающий пример,
В большое заблуждение впадут
И кончат помрачением ума.

113 (136)

В бездействии твори и совершай,
В труде — трудом себя не утруждай,
В неведении — все тайны познавай.
Различья нет меж малым и большим,
Что трудное, что легкое — одно,
И, на поверку, крупное мало.

114 (139)

Все трудное не трудно, а легко,
Все крупное — не крупно, а мало.
Не ищущий великого мудрец
Великое скорее совершит.

115 (144)

Бывает, что приходит человек
В отчаянье у самого конца.

Таким же, как в начале, будь в конце —
И никогда не будет неудач.

116 (73)

Познать людей — достаточно ума,
Познать себя — нездешний нужен свет.
Телесно крепкий победит людей,
А сильный духом победит себя.
Умеренный нужды не испытал,
Но выше тот, кто отпер закрома.
И только тот, кто умер, не сморгнув,
За убеждения — бессмертным стал.

117 (161)

Познав себя, не хвалится мудрец,
Не выставляет знанья напоказ.

118 (123)

Кто знает много — чаще тот молчит,
Кто не молчит — не знает ничего.

119 (159)

Кто, ведая, не знает — тот велик,
А кто, не зная, знает — нездоров.
Сознай неведение, исправь пробел.
Один мудрец не будет нездоров:
Чуть заболев, он тотчас же поймет
И нездоровым перестанет быть.

120 (178)

Речь Истины подчас груба,
Но лгут изящные слова.
Не станет спорить тот, кто прав,
А спорящий — всегда лукав.
Кто знает — не всегда учен,
Ученый может и не знать.

121 (146)

Знали Истину мудрецы:
Не стремясь научить народ,

Берегли его в простоте.
Нелегко управлять людьми,
Если люди слишком умны.
Управляя, учить народ —
Это значит: губить страну.
Управлять страной, не уча —
Значит: счастье народу дать.
Пред властителем два пути,
Из которых правилен путь
К сокровенной тайне добра.
Сокровенная тайна добра,
Но везде проникнет оно:
Все живое придет к нему,
И наступит великий мир.

122 (102)

Если к Истине страна лицом,
То и кони трудятся в полях.
Если к Истине страна спиной,
Их выкармливают для войны.

123 (68)

Оружие — орудие беды:
Мудрец-правитель тяготится им.
Без радости его пуская в ход
И даже им победу одержав,
Мудрец не будет прославлять его.
А кто его посмеет прославлять,
Порадуется, что убил людей.
Но за такую радость никогда
Широкий мир не хвалит никого.

124 (69)

Оружие — орудие войны,
Оружие — орудие беды,
Живому ненавистное всему
И мудрецу противное вдвойне.

125 (70)

Почетней в мире левая рука,

Но правая почетней на войне.
Где радость — левой стороне почет,
А где злодейство — правой стороне.
Помощник скачет с левой стороны,
Начальник скачет с правой стороны.
Итак, война — великая беда:
Принуждена оплакивать страна
Безвременно загубленных людей.
Победа — тоже горькая беда.

126 (66)

Тот государь, что с Истиной дружит,
Завоевать державу не спешит:
Затянутся последствия войны,
И на местах решительных боев
Лишь терния земля произрастит.
За истребительной войной придет
Цепь длинная неурожайных лет.

127 (67)

Остановив чужой набег, мудрец
Захватывать чужое не пойдет.
Остановив, не возгордился он,
Остановив, ничуть не обнаглел,
Остановил, но не для похвальбы.
Не будет ставить на своем мудрец,
Захватывать чужое не пойдет:
Ведь Истина следит издалека
За тем, кто обижает старика —
Жестокий преждевременно умрет.

128 (158)

Кто за свою обиду платит злом,
Перещедрит, оплачивая злом,
А надо воздавать добром за зло,
Чтоб доброй волей украшался мир.
Мудрец, от сердца делая добро,
Не ждет себе отплаты от людей.

129 (162)

Смелчак неумный гибнет от меча,
Разумный — долгие живет года.
От смелости — ни пользы, ни вреда,
Но помогает Небо одному,
Другому — нет. И ясно, почему.

130 (97)

Жизнь или слава: что дороже нам?
Жизнь или достоянье: что важней?
И что вредней: избыток иль ущерб?

131 (32)

В смирении, в последней пустоте,
Храня молчание и чистоту,
Я наблюдаю целый тварный мир,
Устойчивый под кровом перемен.

132 (33)

Раскинулись творенья, как трава,
Но каждое придет к своим корням,
И в этом возвращении — тишина,
Которой круг бываний завершен:
Предустановленный от века лад.
Познавший лад велик и просветлен,
А не познавший — пленник суеты.
Постигнув мир, разумен будешь ты,
А кто разумен — благ и справедлив!
В нем Небо явлено и Государь,
В нем Истина, которая, дыша,
Неистошима, полна собой.

133 (140)

Мудрец не будет обещать, пока
Не знает, что задачу разрешит:
Он к трудности заранее готов, —
И все устраивается легко!

134 (13)

Проходит скоро пыл говоруна:
Лишь речь неспешная точна, верна.

135 (98)

Большой любви не избежать утрат,
Богатому не избежать потерь.

136 (99)

Умеренный не попадет впросак:
Он остановится и переждет.

137 (130)

Мудрец суров к себе, а не к другим.
Он честен — но не с тем, чтоб уколоть.
Он прям, но не кичится прямотой.
Он светел, но сияньем не слепит.

138 (118)

Не вырвать из земли его корней,
Рук не разжать! И до скончанья дней
Он уцелеет в памяти любой.

139 (50)

Кто с Истиной, те в Истину войдут,
И кто с добром — прославится в добре,
И в Небе те, что с Небом заодно.

140 (51)

Кто с Истиной, тот в Истину войдет,
И он блажен.
И кто с добром: в том явствует добро,
И он блажен.
Кто с Небом, с ним сливается в одно,
И он блажен.

141 (141)

В стране порядок можно сохранить,
Пока предвестников разрухи нет.
Все хрупкое заранее разбей,
Непрочное безжалостно развей,
Еще не существующее — встретить,
Гниение — предотвратить успеи!

142 (142)

Ствол — одному его не охватить,
Из семечка мельчайшего возник.
У башни в девять ярусов почин —
Всего лишь несколько корзин земли.
И кто начнет тысячеверстный путь,
Сначала должен сделать первый шаг.

143 (57)

На строгости беспечность утвердив,
Волнением владеет тишина.
Поэтому мудрец и строг, и тих.
Пусть у него и средства, и расчет, —
Естественность он предпочтет всему.
К потере слуг беспечность поведет;
Волнуясь, потеряешь весь народ.

144 (61)

В сознании мужественности своей
Он женственен, и этим победил,
Смирением других превосходя.
Смирением других превосходя,
Он от добра нигде не отступил
И, как младенец, снова полон сил.

145 (62)

В сознании совершенной чистоты,
От униженья он не побежит,
Но, как долина, воду соберет.
Он, как долина, воду соберет,
Но добродетель верно сохранит
И обновленье в простоте найдет.

146 (63)

В изделиях исчезает простота,
Но в ней же тайна власти мудреца,
Которая не губит никого.

147 (107)

Хотел бы попечительный мудрец,
Чтоб стали чистыми сердца людей.
Но люди верят слуху и глазам,
Которые им надо бы закрыть.

148 (37)

Ученых и разумных изгони,
И люди выиграют во сто раз,
Обряд и справедливость отмени,
Чтоб искренними сделались они.
Стяжательность и хитрость устрани,
И навсегда покончишь с воровством.
От правил поведенья только вред:
На них покоятся обман и ложь.

149 (38)

Мир на основах укрепи иных:
На честности, на мудрой простоте,
Без поисков ненужных благ земных.
С ученостью исчезнет и печаль.

150 (64)

Кто действует, чтоб царство основать,
Я думаю, останется ни с чем.
Власть над страной — свободный дар богов:
Его ни взять, ни удержать нельзя.
Кто действует, тому несдобровать,
Кто держится — тот должен потерять.

151 (126)

Чей славен справедливостью удел
И кто умеет силы рассчитать,
Не обретет державы никогда.
Откуда я узнал, что это так?
Оттуда, что, когда на всем запрет,
Впадает скоро в нищету народ.
Когда же он издельями богат,
Удел не может смуту миновать.
Когда искусны люди и хитры,

Наводнена товарами страна.
И где законом связан каждый шаг,
Там процветают алчность и разбой.

152 (127)

Один мудрец недаром говорил:
"Бездействую — и мой народ живет.
Люблю покой — и мой народ правдив.
Не хлопочу — и процветает он.
Изгнал желанья — честен он и прост".

153 (78)

Как рыбе из воды не выходить,
Так точно сил удела своего
Народ не должен видеть никогда.

154 (128)

Где власть проста,
Там честен и народ.
Где власть сложна,
Там и народ хитер.

155 (167)

Где голоден народ,
Там, стало быть, поборы велики,
Поэтому и голоден народ.
А где для власти цель ее трудна,
Там слишком много действует она.
Поэтому и цель ее трудна.
И где народ собой не дорожит,
Там слишком хорошо его вождам,
Зато народ собой не дорожит.
Лишь тот, кто забывает о себе,
Достоин жить и жизнью дорожить.

156 (165)

Когда и смерть народу не страшна,
Его ли смертной казнью запугать?
И только если смерть ему страшна
И необычной кажется ему,

И за злодейства буду я казнить —
Дерзнет ли кто-нибудь?

157 (166)

Пусть только власть высокая казнит:
Ведь если заступающий казнит,
Быть мастером берется ученик.
А если станет ученик рубить,
Так может сам остаться без руки!

158 (160)

Когда величье людям не страшно,
Бездейственным становится оно.
(Нет большего величья на земле.)
Так, не стараясь людям угождать,
Не делай жизнь обузою для них:
Не обратишь их жизни в тяготу,
Так жизнь не превратится в тяготу.

159 (34)

Когда правитель — лучший из людей,
Народ, конечно, знает про него.
Чуть хуже он — и все-таки любим,
Неважен он — и все-таки хвалим,
Он плох — и все трепещут перед ним.
Лишь худший презираем и браним.

160 (35)

Мне мой народ не вверился вполне?
Так есть причина верить не вполне,
И пользы нет в лукавой болтовне.
И только дар во всем преуспевать
Народ найдет естественным во мне.

161 (106)

Мудрец относится ко всем равно:
Он сам или другие — все равно.
Не спрашивая, к доброму я добр,
Но и к недоброму я тоже добр,
И все со мной добры.

Охотно искреннему верю я,
Но и неискреннему верю я:
Все искренни со мной.

162 (8)

Где нет ученому дороги вверх,
Среди людей не будет и борьбы.
И где имуществом не дорожат,
Среди людей не будет воровства.
Где человеку нечего желать,
Спокойствия не потеряет он.

163 (9)

Правленье праведника таково:
Народ смиренен сердцем, но и сыт,
Без замыслов, но с крепким костяком.
Он лишнего не знает ничего,
Не действует, не ищет своего.
У мудреца правленье таково.

164 (132)

Что рыбаку изжарить пескарей,
То праведнику царством управлять:
Где Истина, там бес не соблазнит.
А если бес людей не соблазнит,
То без причины бог их не казнит:
Без происков бесовских — не казнит,
А мудрый и подавно не казнит.
Где не казнят ни боги, ни мудрец,
Добро восторжествует тем скорей.

165 (133)

Смири себя и правь большой страной:
Ей матерью будь больше, чем отцом.
Уступчивостью самка от самца
Не легче ли добьется своего?
Примкнут уделы к скромному царю,
Цель царства — только прокормить народ,
И цель удела — обслужить народ.
Так пусть они достигнут своего

Уступчивостью до конца.

166 (177)

Пусть малолюден скромный твой удел,
Но без орудий пусть живет народ,
Бойтся смерти и не рвется вдаль.
Пусть, позабыв повозки и суда,
Подальше спрятав копья и мечи,
Вернется он к веревочным узлам.
По вкусу он найдет свою еду,
Красивою — одежду старины,
Удобными — привычные дома,
Веселыми обычаями свои.
К соседям пусть доносятся тогда
Лишь пенье петухов и лай собак.
Народ же не захочет знать чужих.

167 (41)

Всем весело, как будто бы толпа
На жертвоприношение собралась
Или весной на праздничный помост.
На свете я безрадостен один:
Кораблик мой не знает пристаней.
Как неразумное дитя, я прост,
Но, как изгнанник, очень я устал.

168 (42)

Усилия награждаются везде,
И только я один живу в нужде.

169 (43)

Все люди рассудительны, умны,
И только я неисправимо глуп.

170 (44)

У каждого есть почва под ногой,
Лишь подо мной — текучая вода.
Один во власти вздыбившихся волн,
Во власти ветра — где остановлюсь?

171 (45)

Полезностью здесь каждый наделен,
И только я и глуп, и неучен.
Но, непохожий на других людей,
Я Истины, как матери, ищу.

172 (150)

Да, Истина настолько велика,
Что кажется — ее и вовсе нет.
Но потому она и велика,
Что кажется — ее и вовсе нет.
Иначе мелочью была б она.

173 (151)

Я три сокровища ношу с собой,
Они сопутствуют судьбе моей.
Так, сострадание всего важней.
Умеренность — второй огромный клад,
А третий клад — смирение мое.

174 (152)

Отвагу сострадание дает,
Умеренность — размах и широту.
Смирение возносит высоко —
На самую большую высоту.

175 (153)

Без сострадания отвага — зло,
Как без умеренности — широта,
И без смиренья тоже только смерть.

176 (154)

В походе милосердный победит
И в обороне выиграет бой.
Поможет Небо и спасет его,
За состраданье сохранит его.

177 (40)

Чего все смертные боятся,
Нельзя и мне не побояться.

178 (95)

Что людям говорили до меня,
Тому и я теперь людей учу:
"Кто только грубой силою силен,
От грубой силы должен умереть".
И в этом суть ученья моего.

179 (116)

Я знаньями и мудростью высок.
За Истиной ее путем иду
И только сбиться не хочу с пути.
Путь Истины удобен и широк,
Но большинство тропинку предпочтет.

180 (158)

Мои слова совсем легко понять,
Исполнить их — не менее легко.
Но миру не под силу их понять,
И их исполнить тоже не легко.
В учении этом есть и здравый смысл,
И к поведенью руководство есть,
И я нашел, что их легко понять.
Но понимающий меня гоним,
И на груди я прячу от вельмож
Под рубище сокровища мои.

*Перевод закончен
24 февраля 1971 года в Рио де Жанейро.*